

«Врач будет, когда выйдете на волю»

Письма юриста Сергея Магнитского, погибшего в Бутырской тюрьме.

Гражданин Российской Федерации 37-летний юрист Сергей Магнитский был арестован в ноябре 2008 года. Перед арестом он был абсолютно здоров, 16 ноября 2009-го он умер. Диагноз тюремных медиков: «сердечная недостаточность».

Последние пять месяцев ареста Магнитский провел в Бутырском изоляторе. В письмах адвокатам и многочисленных ходатайствах он подробно описывал происходящее с ним.

Благодаря этим записям мы можем представить, что стоит за громкими словами чиновников об улучшениях условий содержания, «разгрузке» и гуманизации системы наказаний. Они — свидетельство не только личной трагедии. Магнитский все-таки юрист крупнейшего инвестиционного фонда, работающего в России, его смерть вызвала скандал даже за пределами тюремной системы. А сколько таких же покойников тихо, без помпы были увезены родными из тюремного моря. Эти «дневники» о трагедии тысяч заключенных тюрем и колоний ФСИН России.

О тюремной медицине

В июле 2009 года врачи «Матросской Тишины» поставили Сергею Магнитскому диагноз «калькулезный холецистит». Они советовали оперативное вмешательство и непрерывное лечение. Вскоре Магнитский был переведен в СИЗО № 2.

Из письма адвоката от 25 августа 2009 года:

«Вчера, ровно через месяц после моего доставления в Бутырскую тюрьму, я наконец-то попал к врачу. Произошло это при следующих обстоятельствах.

В воскресенье, 23 августа 2009 года, во время прогулки примерно в 16.30 я почувствовал боль в области солнечного сплетения, которой обычно сопровождаются у меня приступы межреберной невралгии. Прогулка в этот день затянулась до полутора часов вместо обычного часа, но в прогулочном дворике была скамейка, так что я мог прилечь на нее и стерпеть боль. После возвращения в камеру я сразу же принял лекарства и лег в кровать. Несмотря на это, приступ усилился, начались сильные боли в области ребер на спине, так что переносить их временами можно было только сидя на корточках, согнувшись. Приступ сопровождался болью в сердце и невозможностью вдохнуть воздух полной грудью, так как это усилило и без того резкую боль в области солнечного сплетения. Примерно через час я снова принял лекарства, но никакого облегчения от них, кажется, не почувствовал. К 20.00 боли у меня прошли, я стал чувствовать себя лучше, и мы даже с моим сокамерником Эриком провели генеральную уборку в камере. Ночью и в течение большей части следующего дня я чувствовал себя хорошо.

В понедельник, 24 августа 2009-го, примерно в 16.00 Эрика вывели к следователю. Оставшись в камере один, я прилег и попытался заснуть, но тут начался новый приступ с теми же симптомами, так что я не мог даже лежать, а ходил по камере или сидел на корточках, согнувшись. Я снова пил лекарства, но облегчения не чувствовал.

В 17 или 17.30 вернулся Эрик и, увидев меня в таком состоянии, позвал надзирателя и попросил вызвать врача. Надзиратель сообщила, что позвонила врачу и он скоро придет.

Через полчаса Эрик снова стал стучать в дверь камеры, но никто не подошел. Эту попытку он повторил еще через полчаса, за дверью послышались чьи-то голоса; мужской голос спросил: «Какая камера?» «267», — ответил Эрик. «Сейчас подойду», — услышали мы, но через некоторое время голоса стихли, и к нам никто не

подошел.

Состояние мое не улучшилось, и примерно в 9.00 вечера Эрик снова стал стучать в дверь камеры... Еще через полчаса меня повели в сборное отделение, где, как оказалось, есть врачебный кабинет. Только через пять часов.

Когда я туда зашел, там за решеткой сидела врач и стоял милиционер... Мне сказали, чтобы я постоял в сторонке. Мне было тяжело стоять, и я присел на корточки... Это продолжалось около четверти часа. Наконец врач спросила, что со мной случилось. Я описал свои боли, она сказала, что это я, наверное, застудил спину, но я пояснил, что эти боли у меня спазматического характера, что бывали и раньше такие же приступы раз в три-четыре месяца, как я их лечил и что теперь уже четыре дня подряд они повторяются, а лекарства не помогают. Врач сказала, что даст мне более сильное лекарство, и выдала три таблетки мелокана.

Я также пожаловался на то, что меня не осматривал врач при заезде в СИЗО, что я неоднократно подавал заявления о приеме врачом, но меня никто не принимал. Сказал, что мне было назначено медобследование, но его не проводят. Врач начала возмущаться, взяла медкарточку и сказала:

— Как это не осматривали?! Вас осматривали там, откуда вас привезли.

Я сказал, что на «Матросской Тишине» меня осматривали, выявили заболевание, назначили обследование, а тут я уже целый месяц, и никто это обследование не проводит и лечение не назначает. Врач листала мою карточку и возмущалась:

— Вас когда привезли? Всего месяц назад? Вы что — хотите, чтобы вас каждый месяц лечили? Вот я смотрю, вас уже лечили, вот написано, что вас принимал хирург, что вам давали баралгин и мезим. А у нас возможностей нет, оборудования нет, врачей нет, надо было вам на воле лечиться.

— На воле у меня не болело, воспаление поджелудочной железы и камни в желчном пузыре у меня выявили на «Матросской Тишине», я эти заболевания получил, уже находясь в заключении.

— Не рассказывайте сказки. Вот тут написано: «в анамнезе» хирург пишет, значит, и раньше было.

— Я не знаю, что такое в «анамнезе», врач, осматривавший меня на «Матросской Тишине», действительно, спрашивал меня о том, были ли у меня раньше эти болезни, проходил ли я обследование по их поводу, получал ли лечение. Я ему тогда на эти вопросы ответил отрицательно. Хорошо, какое мне сейчас при этих болезнях необходимо лечение и что нужно сделать, чтобы его получить?

— Я не знаю, пишите заявление, чтобы вас принял хирург. В корпусе врачей нет, а хирург пока еще остался...

— Хорошо, я напишу. Дайте мне снотворное, димедрол или сделайте укол, а то я боюсь, что от этой боли не смогу заснуть.

— У нас таких лекарств нет, это только в психиатрии.

После этого меня вернули в камеру. Я принял таблетку, которую дала мне врач. Боль не только не утихла, но даже усилилась, возможно, из-за того, что мне пришлось туда-сюда ходить и даже стоять там перед этим врачом. Через полчаса у меня была рвота, сопровождавшаяся сильными болями в груди и спине, но сразу после этого мне будто бы стало легче. Я лег на кровать, боль еще оставалась, но уже не такая острая.

Я разговорился с Эриком, это меня отвлекло, и через час-полтора мне удалось заснуть.

Проснувшись утром, я чувствовал себя нормально. Написал заявление хирургу и вот пишу это письмо, надеясь, что сегодня вечером и ночью нового приступа у меня не будет».

Как и все предыдущие, это заявление осталось без какого-либо ответа.

Из жалобы, подготовленной в Генпрокуратуру и Следственный комитет, от 20 сентября 2009 года:

«**26.08.09** заместители начальника БТ, в том числе, как я понимаю, начальник медицинской части, проводили обход камер. Я пожаловался на то, что мне не оказывается медицинская помощь, не проводится назначенное медицинское обследование. Мне сказали, что в Бутырке медобследование не проводится, что нет оборудования. Я пытался показать имеющуюся у меня копию письма, в котором было указано выявленное у меня заболевание и назначенное обследование, но это письмо мне даже не дали достать, сказав: «Вы нас

задерживаете».

31.08.09 во время аналогичного обхода мне удалось вручить указанное письмо, поскольку какой-то другой начальник, которого не было в предыдущий раз, согласился меня выслушать по этому вопросу... Никаких мер со стороны администрации принято не было. Начальник медчасти обещал разобраться, забрал упоминавшуюся выше копию письма, сказал, что плановое оперативное лечение, о котором в нем говорится, «это когда вы выйдете на волю, тут вам никто не обязан предоставлять» — и ушел.

До настоящего времени никакая медицинская помощь (кроме разрешения на передачу мне купленных моими родственниками лекарств) в связи с выявленными у меня заболеваниями в БТ мне не оказывалась, несмотря на то, что я здесь уже провел 8 недель и буквально на следующий день после прибытия сюда обратился за медицинской помощью.

Мне не проведено назначенное медицинское обследование, я не получил никаких консультаций по поводу моего заболевания, не был принят врачом-хирургом, мне не только не было назначено диетическое питание, но даже не рассматривался вопрос о том, необходимо оно мне или нет».

С конца сентября Сергей Магнитский перестал писать жалобы начальнику Бутырки по поводу неоказания медицинской помощи — десяток предыдущих остался без ответа. Обходился в основном лекарствами, которые передавали ему родственники. Однако его адвокаты попыток не прекращали.

На запрос в прокуратуру Москвы 26 октября пришел ответ. Начальник отдела по надзору за исполнением законов при исполнении уголовных наказаний С.А. Горюнов утверждал, что «при поступлении в СИЗО Магнитский в установленном порядке был осмотрен медицинским работником. Телесных повреждений, проявлений заболеваний не выявлено, жалоб на состояние здоровья Магнитский С.Л. не высказывал».

Тем не менее, по словам Горюнова, 7 октября Магнитский все-таки был переведен в камеру № 708 терапевтического отделения медчасти «для проведения обследования». Мы не располагаем сведениями, какое обследование было проведено и было ли оно вообще, однако из писем Сергея Магнитского видно, что его состояние ухудшалось с каждой неделей. Из письма от 20 октября 2009 года: «Утром 19.10.09 у меня произошел острый приступ, который продолжался около 40 минут и сопровождался болями в области солнечного сплетения и сердца, причем боли в области солнечного сплетения были более сильными, чем я когда-либо испытывал во время подобных приступов ранее».

16 ноября Сергея Магнитского не стало.

Прокуратура Москвы отказала матери и адвокатам Сергея Магнитского в проведении независимой судебно-медицинской экспертизы причин его смерти.

Дневники Сергея Магницкого

От редакции

Несмотря на все реконструкции, всем давно очевидно: Бутырка — одна из самых старых тюрем России — больше не может быть местом содержания людей, которые, по закону, еще не являются преступниками. Этот следственный изолятор должен стать музеем, об этом говорят уже давно, в том числе и «Новая газета». Сколько еще людей должно погибнуть за этими стенами, чтобы очевидные вещи перестали восприниматься как крамола?

В следующем номере — письма Сергея Магнитского об участии подсудимых в судебных заседаниях

Автор: Ирина Гордиенко © Новая газета ПОЛИТИКА, РОССИЯ 👁 3388 25.11.2009, 19:35 📌 141

URL: <https://babr24.com/?ADE=82415> Bytes: 10663 / 10411 Версия для печати

👍 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)
- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:
newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Ирина
Гордиенко.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: [@bur24_link_bot](#)
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: [@irk24_link_bot](#)
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: [@kras24_link_bot](#)
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: [@babrobot_bot](#)
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)